

П.Ф. Каптерев

Из истории души

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П.Ф. Каптерев**
Из истории души / П.Ф. Каптерев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 264 с.

ISBN 978-5-458-54368-2

ISBN 978-5-458-54368-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

VIII.

73 — 84

О развитіи различенія въ сферѣ мышленія. Значеніе контрастовъ для развитія различенія Соединеніе противоположныхъ значеній въ одномъ словѣ и причины этого явленія. Различеніе среднихъ степеней и переходныхъ состояній явленій, различеніе связей и отношеній между явленіями Различеніе оттѣнковъ въ свойствахъ явленій.

IX.

84 — 90

О различеніи духовнаго міра отъ матеріальнаго. Различеніе психическаго субъективнаго міра отъ внѣшнихъ матеріальныхъ фактовъ. Значеніе въ этомъ различеніи припоминаній, рассужденія и сновидѣній. Чувственность еврейскаго языка. Слитное обозначеніе психическихъ явленій въ литовскомъ языкѣ. Отсутствие строгаго разграниченія матеріальнаго и духовнаго у древнихъ грековъ.

X.

90 — 107

О развитіи отвлеченнаго мышленія какъ высшаго различенія. Отвлеченіе есть высшее различеніе. Естественныя побужденія къ нему и препятствія. Слабое развитіе отвлеченнаго мышленія у большинства людей. Два главные вида отвлеченія: чистое отвлеченіе и въ соединеніи съ обобщеніемъ. Значеніе языка для развитія обобщеннаго отвлеченія. Факты изъ данныхъ науки о языкѣ относительно развитія отвлеченнаго мышленія. Развитіе понятія о числѣ и счета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О развитіи связыванія.

XI.

108 — 119

О развитіи элементарнаго связыванія по смежности. Побужденія къ связыванію. Соотносительность различенія и связыванія. Связываніе одновременностію воспріятій.

IV.

его свойства и обнаруженія — агглютинативные языки и суевѣрія. Связываніе непрерывною послѣдовательностію. Его выраженіе въ строеніи предложеній и періодической рѣчи.

XII

. 119 — 125

О развитіи элементарнаго связыванія по сходству. Органическій характер связыванія по сходству. Уподобленія ощущеній одного органа, нѣсколькихъ органовъ и предметовъ чувственныхъ и духовныхъ. Главные виды метафоръ.

XIII

. 125 — 141

О развитіи связыванія по апперцепціи. Апперцептивное, смѣшеніе и неразличеніе. Смѣшеніе неодушевленнаго съ одушевленнымъ; его источники. Слѣды антропоморфизма въ наукѣ. Доводы Спенсера и Ванъ-Енде противъ первоначальности смѣшенія одушевленнаго съ неодушевленнымъ; ихъ анализъ.

XIV

. 141 — 160

О развитіи запоминанія. Необходимость запоминанія для высшихъ формъ связыванія. Періодъ безпамятства въ исторіи человѣчества и отдѣльныхъ лицъ. Недостаточная развитость представленій пространства и времени какъ причина слабости запоминаній дикарями и дѣтьми. Крайняя непредусмотрительность и жизнерадостное настроеніе дикарей и дѣтей какъ результатъ слабой памяти. Развитие запоминанія подъ вліяніемъ спеціальныхъ интересовъ и науки. Ошибочность мнѣнія объ обширности памяти у неписменныхъ народовъ.

XV

. 160 — 173

О развитіи сложнаго образнаго связыванія. Отсутствіе творчества на первыхъ порахъ умственной жизни и замѣна его живымъ воспроизведеніемъ. Соответствующіе факты изъ жизни дикарей и дѣтей. Подражательность дикарей и дѣтей. Представленія дикарей о загробной жизни.

XVI . . . 173 — 184

О развитіи сложнаго образнаго связыванія (продолженіе). Первые шаги въ развитіи творчества у дѣтей и дикарей подѣ влияніемъ грандіозныхъ явленій природы и сказокъ. Значеніе игры для развитія дѣтскаго творчества. Появленіе выдуманныхъ разсказовъ; ихъ характеръ.

XVII . 184 — 197

О развитіи сложнаго образнаго связыванія (окончаніе). Развитіе творчества подѣ влияніемъ идеализаціи. Составные элементы мифологій. Отношеніе между отвлеченнымъ и образнымъ творчествомъ. Развитіе послѣдняго подѣ влияніемъ науки. Новые воображаемые міры.

XVIII . . . 197 — 213

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія. Логическіе законы не суть дѣйствительные законы; современная логика есть созданіе культуры. Отсутствіе закона тождества въ первоначальномъ мышленіи. Начало превращенія существъ и явленій; его четыре частныя формы. собственно превращеніе, переселеніе, замѣщеніе и развитіе. Основанія принципа превращенія.

XIX . . . 213 — 226

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія (продолженіе). Отсутствіе закона противорѣчія въ первоначальномъ мышленіи. Причины, вызвавшія противорѣчія въ человѣческомъ умѣ. Обиліе противорѣчій въ мышленіи прежде и теперь. Мыслимость противорѣчій. Взглядъ Гегеля на законы тождества и противорѣчія.

XX 226 — 231

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія (окончаніе). Отсутствіе въ первоначальномъ мышленіи закона достаточнаго основанія и категоріи причинности. Источники ихъ происхожденія. Отношеніе къ категоріи причинности нѣкоторыхъ мыслителей.

XXI

. . 232 — 247

О развитіи обобщенія и сужденія. Трудности обобщенія. Три ступени развитія обобщенія. Соответственные факты изъ языка дикарей и дѣтей. Психологическое и логическое сужденія. Вліяніе арійскихъ языковъ на формальную логику. Логика и грамматика.

Общіе выводы

. . 248 — 255

Общее обозрѣніе исторіи ума и соображенія о дальнѣйшемъ его развитіи.

ВВЕДЕНИЕ.

Задача настоящих очерковъ чисто психологическая—попытаться прослѣдить развитіе ума въ человѣчествѣ, при чемъ имѣется въ виду не развитіе культуры, не возникновеніе и ростъ учреждений, не литературная или философская эволюція, а развитіе именно самыхъ мыслительныхъ процессовъ. Основные психическіе процессы, свойственные человѣку, измѣнились сколько нибудь за время существованія человѣчества или они испоконъ вѣка, отъ начала и до нынѣ, остались въ своемъ первоначальномъ видѣ, неизмѣнными и таковыми пребудутъ вѣчно? Съ вѣками набирается ли человѣчество только большихъ и большихъ знаній или же возрастаетъ и совершенствуется и самая его мыслительная способность? Мѣнялись ли только формы жизни и учреждений въ человѣчествѣ или человѣчество мѣнялось глубже, въ самомъ своемъ существѣ, въ душѣ, приобретаая новыя способности и теряя нѣкоторыя прежнія? Душа, понимаемая какъ сумма основныхъ и производныхъ психическихъ процессовъ, имѣетъ ли исторію?

Главнѣйшіе перевороты, пережитые человѣческимъ умомъ, падаютъ на доисторическую эпоху жизни человѣчества. Какіе существуютъ пути и средства къ ознакомленію съ столь отдаленными переворотами?

Болѣе древняго, достовѣрнаго и цѣннаго свидѣтеля развитія человѣческаго ума, чѣмъ языкъ, мы найти не можемъ, и потому, при изслѣдованіи развитія ума, должны обратиться къ даннымъ, представляемымъ языкомъ. Но значеніе этихъ данныхъ, цѣнность свидѣтельствъ языка о развитіи ума весьма много зависятъ отъ такого или иного рѣшенія общаго вопроса объ отношеніи между языкомъ и мышленіемъ, о связи между ними. Можно ли быть увѣреннымъ, что все, что было когда либо въ мышленіи человѣчества, все отразилось въ языкѣ человѣчества, такъ что языкъ есть точный протоколъ мысли, а исторія языка — исторія мышленія? Или у человѣчества были и есть мысли, невыразимыя никакимъ язы-

комъ, мышление гораздо шире языка и языкъ не есть неизмѣнный спутникъ мысли?

Есть мнѣніе, что связь между языкомъ и мышленіемъ неразрывна, что ни разума нѣтъ внѣ языка, ни языка внѣ разума, кто говорить, тотъ и мыслить, кто мыслить, тотъ и говорить. Языкъ есть истинный органъ нашего ума: мы точно такъ же мыслимъ посредствомъ словъ, какъ видимъ посредствомъ глазъ. Изъ нераздѣльности между мышленіемъ и языкомъ выводится то, чрезвычайно важное, заключеніе, что ростъ человѣческаго ума долженъ быть изучаемъ въ исторіи языка, что языкъ есть истинная автобіографія ума, каждый изъ безчисленныхъ языковъ, покрывающихъ землю, есть слой въ ростѣ мысли, подлежащій изслѣдованію *).

Изложенный взглядъ о нераздѣльности мышленія и языка подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ. Уже самъ защитникъ его— М. Мюллеръ значительно ограничиваетъ свой взглядъ, утверждая, что языкъ связанъ не со всѣмъ мышленіемъ, а только съ высшею его ступеню — понятіями. Онъ дѣлитъ умственную дѣятельность на четыре ступени: ощущеніе, воспріятіе (перцепцію), пониманіе (концепцію) и именованіе. Ощущенія и воспріятія могутъ существовать безъ словъ, понятія же не могутъ. Поэтому гдѣ нѣтъ словъ, тамъ нѣтъ и понятій, а гдѣ есть слова, тамъ есть и понятія, животныя, дѣти до начала рѣчи, глухонѣмые, не обученные говорящими, не достигаютъ въ своемъ мышленіи понятій, имъ свойственны лишь низшія формы умственной дѣятельности.

Ограниченіе, предложенное М. Мюллеромъ относительно связи мышленія и языка, не можетъ быть признано достаточнымъ: исторія умственного развитія человѣчества несомнѣнно представляетъ такія эпохи, когда языкъ уже существовалъ, но понятій, какъ высшихъ продуктовъ мыслительности, понятій въ томъ смыслѣ, какъ ихъ разумѣетъ М. Мюллеръ, еще не было. Основные процессы, которыми совершалось и опредѣлялось умственное развитіе человѣчества и результаты которыхъ были обозначены словами древнѣйшихъ языковъ, М. Мюллеромъ не указаны, до основныхъ процессовъ онъ не дошелъ, остановившись на второстепенныхъ и производныхъ, заимствованныхъ изъ обычныхъ курсовъ логикъ и психологій. Ни ощущеніе, ни воспріятіе, ни понятія не суть послѣднія пружины умственной дѣятельности, тѣ глубокіе источники, изъ которыхъ

*) Max. Muller, The Science of Thought. London, 1887, p. 64, 77, 83—85, 200, 515, 550.

истекает и потомъ такъ широко разливается и развѣтвляется жизнь человѣческаго ума; они суть только частныя формы, производные процессы, не въ нихъ сущность и корень дѣла. Вообще пониманіе происхожденія и генетическаго развитія умственныхъ процессовъ у М. Мюллера весьма недостаточно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его взглядъ на языкъ, какъ связанный лишь съ понятіями, совершенно неправиленъ: языкъ гораздо шире по своему содержанію, онъ захватываетъ мышленіе не въ тѣсномъ только значеніи слова— мышленіе посредствомъ понятій, — а въ обширномъ, мышленіе вообще, въ его основныхъ элементарныхъ процессахъ, посредствомъ какихъ бы формъ это мышленіе ни совершалось.

Съ другой стороны, языкъ не покрываетъ всего мышленія даже и посредствомъ понятій. Мышленіе понятіями гораздо богаче, разнообразнѣе, тоньше, чѣмъ рѣчь; по сравненію съ мыслью, языкъ грубъ и малоподвиженъ, обозначаетъ и не все содержаніе мысли и не точно. Цѣлый многомилліонный народъ говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, слова у всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ одному народу, одни и тѣже, а понятія очень разныя даже объ обыкновенныхъ предметахъ, составляются лично каждымъ, нѣсколько своеобразно на основаніи личнаго опыта, обстановки, множества случайныхъ обстоятельствъ: и рыбакъ говоритъ слово «рыба» и городской торговецъ рыбою и естествоиспытатель и художникъ и гигиенистъ и сотни другихъ людей, смотрящихъ на рыбу и понимающихъ ее по своему. Всѣ они говорятъ одно слово и каждый разумѣетъ подъ нимъ нѣчто отличное, свое. Если бы эти лица вздумали пояснить смыслъ слова рыба прибавкой другихъ опредѣлительныхъ словъ, то оказалось бы, что и эти другія слова каждый употребляетъ въ своемъ, нѣсколько особенномъ, смыслѣ и что вполне столкнуться и совершенно точно понять мысли другъ друга невозможно, по недостаточности языка. Рѣчь отдѣльнаго человѣка устанавливается довольно рано, а сколько измѣненій послѣ того переживетъ мысль. И дитя говоритъ слова «горе, богъ» и взрослый произноситъ тѣже слова; но какая большая разница въ душевныхъ состояніяхъ, обозначаемыхъ этими словами дитятей и взрослыхъ! Мы, взрослые, очень часто стараемся дать понять другому лицу ту мысль, которая у насъ имѣется; но, не смотря на всѣ старанія точно выразить свою мысль, мы ясно сознаемъ, что выражаемъ мысль не такъ, какъ бы слѣдовало, что нѣтъ достаточно подходящихъ для мысли словъ, что слушающее насъ лицо получаетъ неправильное понятіе о нашей мысли и тѣмъ не менѣе помочь горю не можемъ. Довольно

плохо выражаются въ языкѣ сложныя и не совсѣмъ ясныя соображенія, процессъ внезапныхъ рѣшеній, состоянія ума при весьма быстрыхъ переходахъ отъ цѣлыхъ группъ предметовъ къ новымъ группамъ, при быстромъ обзорѣ обширнаго круга явленій; трудная доступность для языка мира страстей и чувствованій, ихъ измѣненій, переходовъ и отбѣйковъ — фактъ извѣстный.

Если же языкъ и мысль нельзя признать нераздѣльными, если мышленіе оказывается гораздо шире, тоньше и богаче языка, далеко не покрывающаго собою мыслительности, то возникаетъ вопросъ: какое значеніе имѣетъ языкъ для исторіи души вообще и ума въ частности? Можно ли, а если можно, то въ какихъ предѣлахъ, пользоваться языкомъ при изслѣдованіи развитія мыслительности въ родѣ человѣческомъ?

Для исторіи ума языкъ имѣетъ двойное значеніе: положительное и отрицательное. Положительное заключается въ тѣхъ прямыхъ данныхъ, которыя находятся въ языкѣ. Языкъ есть спутникъ и выразитель мысли, онъ есть органъ ума; исторія значенія словъ есть исторія развитія понятій; въ характерѣ языка, его синтаксическомъ складѣ, въ преобладаніи той или другой категории словъ, сказываются складъ мысли народа и ея господствующія направленія. Положительное значеніе языка для исторіи ума понятно—что есть въ языкѣ, то было и въ умѣ. Отрицательное значеніе языка для исторіи ума, не менѣе важное, чѣмъ и положительное, заключается въ томъ, что на какие факты нѣтъ указаній въ языкѣ, тѣ факты если и были въ умѣ, то въ довольно неясной и неотчетливой формѣ, такъ что весьма много теряли въ своемъ значеніи для развитія мыслительности. Этотъ пунктъ требуетъ объясненій.

Несомнѣнно, что многія психическія состоянія совсѣмъ не могутъ быть выражены въ словѣ или же выражаются въ немъ очень неудовлетворительно. Но такія состоянія отличаются своею темнотою и неопредѣленностію даже для лица, переживающаго эти состоянія. Каждый по собственному опыту знаетъ, что мысль, для которой не находится подходящихъ словъ и выражений, есть неясная мысль. Мы можемъ имѣть въ головѣ планъ какой либо работы и можемъ этотъ планъ коротко записать на бумагѣ въ формѣ нѣсколькихъ положеній. Въ послѣднемъ случаѣ планъ будетъ для насъ яснѣе и понятнѣе, намъ легче будетъ замѣтить его достоинства и недостатки, чѣмъ въ первомъ. Подобное же отношеніе существуетъ между душевнымъ актомъ, выраженнымъ и невыраженнымъ въ словѣ. Выразить душевное явленіе въ словѣ значить до извѣстной степени выяснить

его, опредѣлить, сдѣлать устойчивымъ, умственная работа, не отобразившаяся въ языкѣ, легко пропадаетъ, исчезаетъ. Душевный фактъ, какъ явленіе внутреннее, труденъ для наблюденія, выразившись въ словѣ, онъ дѣлается внѣшнимъ, доступнымъ наблюденію помощью органовъ внѣшнихъ чувствъ—слуха и (черезъ письмо) зрѣнія.

Какъ и всякое другое внѣшнее явленіе, рѣчь подчиняется своимъ законамъ, имѣетъ свой опредѣленный порядокъ; слѣдовательно душевное явленіе, выражаясь въ словѣ, не только ассоціируется съ внѣшнимъ фактомъ и болѣе ничего, но до нѣкоторой степени подчиняется этому внѣшнему факту, его, закону, его порядку, иначе оно и не можетъ выразиться въ рѣчи. Порядокъ рѣчи, законъ ея—это конструкція рѣчи, ростъ, измѣненіе и вымираніе словъ. Конструкція рѣчи не создается, конечно, независимо отъ мысли. Но отображаетъ на себѣ строй и характеръ мышленія; вся жизнь языка также идетъ параллельно съ жизнью ума и совершается подъ его вліяніемъ, но, разъ возникнувъ и сложившись, конструкція и всѣ другія жизненныя формы языка весьма сильно вліяютъ на мышленіе. Рѣчь представляетъ тогда уму готовыя формы, какъ бы рамки, въ которыя волей-неволей мысль и укладывается; тогда уже умъ приспосабливается къ языку и его особенностямъ, а не языкъ къ уму. Мыслить на сформировавшемся, сложившемся языкѣ значитъ до извѣстной стѣпени подчинять свою мысль особенностямъ этого языка—богатству или скудости лексическаго матеріала, преобладанію словъ съ отвлеченнымъ или конкретнымъ значеніемъ, обилію флексій или ихъ отсутствію, синтаксическому строю предложеній и т. д.

Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на аналитическое вліяніе языка по отношенію къ мысли и всей душевной жизни вообще. Душевные явленія обыкновенно бываютъ сложными и слитными, одинъ рядъ фактовъ, одно направленіе не раздѣляются рѣзко отъ другой группы, другаго направленія, напр., воображеніе и память, творчество поэтическое и религіозное, мышленіе и чувствованіе и т. п. Языкъ побуждаетъ умъ къ анализу, душевное явленіе, выражаясь въ рядѣ словъ—существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и т. д., занимающихъ каждое свое опредѣленное мѣсто въ предложении и имѣющихъ свои особенныя свойства и характеръ, разчленяется, разлагается, его различныя стороны, качества и отношенія выделяются и обособляются, слитное цѣлое дробится на части, каждая часть ставится отдѣльно съ извѣстною долей самостоятельности. Разложивъ все на элементы, давъ возможность изучить свойства и

стороны явленія въ отдѣльности, языкъ снова сочетаетъ разрозненное въ цѣлое—въ предложениіи и періодѣ *). Поэтому Гейгеръ не безъ основанія замѣтилъ, что въ то время, когда еще не существовало опредѣленнаго обозначенія для чернаго цвѣта, разница между негромъ и бѣлымъ сознавалась смутно, равно какъ и различіе между кошкой и собакой во время отсутствія для этихъ животныхъ именъ **).

Наблюдая рѣчь отдѣльныхъ людей, мы легко замѣтимъ, что отчетливость выраженія, точность и опредѣлительность словъ и предложений находятся въ прямой зависимости отъ отчетливости и ясности мысли. Тотъ человѣкъ, который прекрасно понимаетъ извѣстное дѣло, усвоилъ его сущность и подробности, знаетъ соотношеніе его частей: тотъ человѣкъ, въ изложеніи дѣла, не будетъ путаться, затрудняться въ словахъ; выраженія сами придутъ къ нему на языкъ и его изложеніе дѣла будетъ ясно, отчетливо, вразумительно, хотя, можетъ быть, и некраснорѣчиво. Наоборотъ человѣкъ, плохо понимающій дѣло, смутно его представляющій, плохо его и изложитъ, слушатели будутъ затрудняться изложеніемъ. Это даетъ основаніе полагать, что если какой либо душевный фактъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, достигнетъ въ нашемъ сознаніи значительной ясности и силы, то онъ, по тѣсной связи между мышленіемъ и языкомъ, соответственно отобразится въ рѣчи, непременно найдетъ себѣ выраженіе въ словѣ. Не все выражаетъ языкъ, что есть въ умѣ, но душевные факты значительной ясности и силы необходимо отображаются въ языкѣ; сколько нибудь опредѣленные идеи тяготеютъ къ слову, стремятся выразиться въ звукахъ, мы чувствуемъ потребность для каждой родившейся и нѣсколько развившейся мысли подыскать соответствующее выраженіе. Имена солнцу и лунѣ даетъ обыкновенно цѣлое племя, и эти имена встрѣчаются въ очень многихъ языкахъ, названія другимъ звѣздамъ и планетамъ даются астрономами и встрѣчаются только въ языкахъ болѣе или менѣе культурныхъ націй. Причина этого явленія заключается въ ясномъ, отчетливомъ воспріятіи и выдѣленіи большинствомъ людей солнца и луны весьма слабымъ и неотчетливомъ всѣхъ другихъ звѣздъ и планетъ. Послѣднія воспріятія достигаютъ значительной ясности только у астрономовъ, которыми и называются.

Послѣ этихъ замѣчаній будетъ понятенъ смыслъ утвержденія, что то, что не выразилось въ языкѣ, можетъ быть и существовало

*) Высказанныя здѣсь сужденія далѣе будутъ дополнены и развиты.

**) L. Geiger, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit. 1871 г. S. 21, 22-